

Победа под Сталинградом в мировых геополитических координатах

Н.Н. Большова

В соответствии с Перечнем мероприятий на 2013 г., проводимых Российским организационным комитетом «Победа» по празднованию 70-летия победы Красной армии под Сталинградом, 14 февраля с.г. в Университете состоялась международная конференция «Влияние победы под Сталинградом на геополитическое положение в мире». В конференции приняли участие представители посольств ряда государств – членов антигитлеровской коалиции, ответственные работники МИД РФ, других министерств и ведомств, ОАО «Концерн «Алмаз–Антей» и др.

Заместитель Председателя Правительства РФ Д.О. Рогозин в своем приветствии выразил уверенность в том, что организованная МГИМО конференция является «прекрасным способом почтить наших ветеранов в год 70-летия Великой победы на Волге». С приветственным словом к участникам конференции обратился ректор МГИМО, академик РАН А.В. Торкунов, подчеркнув, что «Сталинградская битва – это не только событие всемирно-исторического значения и масштаба, но и важнейшее национальное событие, в ходе которого произошла консолидация и мобилизация национального духа граждан всей страны». Он подробно остановился на проблеме сохранения исторической, национальной и международной памяти о тех событиях. «Сохранение памяти о победе под Сталинградом, о героях этой битвы, в какой

бы стране они сегодня ни находились, имеет исключительно важное значение для настоящего и будущего России, для объективного восприятия хода и итогов Великой Отечественной войны», – подчеркнул он в завершении своего выступления.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Словацкой Республики Йозеф Мигаш в своем выступлении отметил важное значение Сталинградской битвы для консолидации антигитлеровской коалиции и победы над гитлеровской Германией. Он рассказал о противоречивой роли словацкого народа во Второй мировой войне. Став жертвой «Мюнхенского сговора», Чехословакия была «без боя» отдана Германии, которая установила в ней марионеточное правительство», которое приняло решение об отправке словацких солдат на восточный фронт, сражаться вместе с войсками вермахта против Красной армии. Словацкий народ не принял это решение, но сделать ничего не мог. «Бессильное отчаяние» прослеживается в документальных материалах той поры.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Сербия Славенко Терзич особо отметил в своем выступлении необходимость продолжения научного исследования роли Сталинградской битвы как переломного момента Второй мировой войны и поворотного пункта в развитии всего мира. По его мнению, актуальность исследования данных событий связана

Большова Наталья Николаевна – к.полит.н., начальник Управления научной политики МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

прежде всего с усилением националистических тенденций, «духа реваншизма» и попытками «ревизии истории» в некоторых государствах Европы в последние десятилетия.

Заместитель руководителя «Россотрудничества» Г.Л. Мурадов в своем выступлении особо подчеркнул недопустимость оправдания фашизма и нацизма и рассказал о деятельности по борьбе с фальсификацией истории Федерального агентства, о серии просветительских мероприятий (лекций, выставок, встреч с учеными и ветеранами), посвященных Сталинградской битве. По его словам, Сталинградская битва как переломный момент в истории нашей страны и Второй мировой войны может быть охарактеризована как свидетельство устойчивости евразийской цивилизации, которая сплавивает в себе народы разных конфессий, национальностей и идентичностей и является на сегодняшний день центром цивилизационного притяжения. Опыт России показывает, что единство народов достигается не через плавильный котел, а за счет мирного сосуществования между народами при сохранении их идентичности.

Главный редактор журнала «Международная жизнь» А.Г. Оганесян посвятил свой доклад анализу исторической роли Сталинградской битвы в контексте стратегии третьего рейха.

На основе новых архивных документов, академик РАЕН Георгий Куманев свидетельствует о роковой «недооценке Верховным главнокомандующим сил и возможностей вермахта и переоценке мощи Красной армии». Причина таких искаженных представлений лежала в тех спорных сведениях о потерях, которые представляло в ставку Главное разведывательное управление.

2 февраля в 14 часов над притихшим, до основания разрушенным Сталинградом пролетел одинокий самолет-разведчик немцев. Он послал короткую радиogramму: «Никаких признаков боев в Сталинграде». Бесповоротность последующего хода войны для любого здравомыслящего человека, не говоря уже об историках, заключается, конечно, не только в боевых и материальных потерях.

Тем не менее ни в одной битве вермахт не терял 1,5 млн солдат и офицеров, иными словами, четверть войск Германии, задействованных на всей бесконечной протяженности Восточного фронта. Число военнопленных, по советским данным, превысило 154 тыс. человек, по немецким – 113 тыс.

Академик Георгий Куманев процитировал генерала Бутлара, который отчетливо осознал бесповоротность хода войны после Сталинграда: «Германия не просто проиграла битву и потеряла испытанную в боях армию. Она потеряла ту славу, которую приобрела в начале войны и которая уже начала меркнуть в боях под Москвой зимой 1941 г. Это была потеря, которая в самом скором времени должна была

исключительно отрицательно повлиять на весь ход войны...».

Один берлинский дипломат свидетельствовал о том, что кризис охватил все слои немецкого общества, «не только руководство и правящий режим, но и всю Германию. Он символизируется одним словом – «Сталинград».

Сталинград развеял мечты Берлина о вступлении Японии и Турции в войну на его стороне, а вскоре и Италия разорвала союзнические отношения с Третьим рейхом. Наконец, Сталинград, сорвав все геополитические планы Гитлера, подготовил почву для открытия Второго фронта. Сталинград, обескровивший вермахт не только в количественном, но и в качественном отношении, по сути, снял опасения Вашингтона и Лондона, что Гитлер сможет усилить свои войска на Западе за счет переброски дивизий с восточного фронта.

Люди, прошедшие огненное испытание, так же ощущали «надмирность» и великий смысл происходившего под Сталинградом. Куманев уместно цитирует философа Ивана Ильина: «Патриотизм может жить и будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле что-то священное, которая живым опытом испытала объективность и безусловное достоинство этого священного – узнала его в святынях своего народа». И это не только русский, но и всемирно-исторический смысл Сталинградского подвига.

Заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО В.О. Печатнов акцентировал внимание в своем докладе на проблеме открытия второго фронта. Он отметил, что при ретроспективном взгляде действительно кажется, что альтернативы победе под Сталинградом не было, но ведь тогда ситуация представлялась совсем иначе. Неизбежности победы осенью 1942 г. не ощущалось. Данные американских военных архивов подтверждают, что у американского командования были разработаны планы на случай поражения под Сталинградом. Одним из таких документов является доклад «Стратегическая политика объединенных наций Соединенных Штатов в случае разгрома России». Доклад был одобрен начальниками военных штабов США в августе 1942 г. и положен на полку в ожидании развития ситуации. В нем рассматривались именно глобальные геополитические последствия поражения России на Восточном фронте в 1942 г. В документе подчеркивалось, что «падение России станет катастрофой, которая поставит США в отчаянное положение», а «континентальная Европа будет полностью и надолго потеряна для союзников, поскольку ликвидация первого советско-германского фронта сделает невозможным второй фронт. Получив доступ к ресурсам СССР, Германия с ее союзниками станет практически непобедимой в прямом военном противоборстве.

Максимум, на что смогут рассчитывать союзники в таком случае, – это удержание Бри-

танских островов, но и там ожидалось усиление прогерманских настроений, вероятное падение режима Черчилля и заключение сепаратного мира с Германией. В целом крах СССР в 1942 г., отмечалось в британском документе, вызовет цепную реакцию по всему миру:

– прекратится движение Сопrotивления по всей Европе;

– развалится Британская империя, кроме Канады, Австралии и Новой Зеландии;

– резко усилятся прогерманские настроения на Ближнем Востоке и в Латинской Америке;

– соединение германских и японских армий на Ближнем Востоке лишит союзников доступа к нефти»

– США окажутся запертыми в Западном полушарии».

Перспективы рисовались настолько мрачными, что в этом документе даже рассматривался вариант заключения сепаратного мира США с Германией (или с обеими странами «оси»). Однако такой вариант был сочтен неприемлемым, так как при таком варианте США утратили бы свое положение ведущей державы и в дальнейшем оставались перед странами «оси» без союзников. В плане не предусматривалось усиление помощи союзникам, ибо в создававшейся ситуации, как подчеркивалось авторами, США придется думать прежде всего о себе.

Интересно, что в этом плане рассматривалось и психологическое воздействие подобного краха на американское общество, разрабатывались даже мероприятия по линии психологической войны, чтобы смягчить воздействие подобных испытаний на американскую общественность и подготовить ее к возможности такого поворота в ходе войны. Надо сказать, что американские планировщики вполне реалистично и трезво оценивали перспективы, с которыми могли столкнуться США в случае поражения СССР.

Тогда возникает вопрос: «Почему при таких высоких геополитических ставках этой битвы союзники не пошли на более активные военные действия, чтобы оказать помощь Советскому Союзу уже в 1942 г.?» Известен план операции «Кувалда», который предлагало американское командование, – высадка 6–8 дивизий на севере Франции уже в 1942 г., чтобы хотя бы часть сил вермахта снять с Восточного фронта. Она была заблокирована англичанами, и американцы довольно легко от нее отказались. Вместо того, как известно, была предложена операция «Факел» – вторжение на север Африки, хотя само американское командование в своих внутренних оценках называло эту операцию «булавочным уколом», который будет лишь распылять силы союзников, откладывая большое вторжение на европейский континент и в то же время не окажет реальной помощи Советскому Союзу. «Факел» создавал дополнительные проблемы. Из-за потребностей операции «Факел» были сокращены на какое-то время поставки

по ленд-лизу, затем Лондон отменил очередной северный конвой. В Москве эти решения были восприняты как двойной отказ: отказ от поставок по северному маршруту очень нужных материалов и отказ организации второго фронта в 1942 г.

Профессор МГИМО и Академии военных наук М.Ю.Мягков в своем докладе отметил, что с середины 1942 г. внимание всех воюющих держав было приковано к гигантской битве, развернувшейся на Волге у стен Сталинграда. Немцы рвались к Кавказу, и, казалось, вновь смогли поставить Красную армию на грань поражения.

Конец 1942 г. – время начала советского контрнаступления под Сталинградом, – стало знаковым событием, которое подвигло политическое и военное руководство США и Великобритании к окончательному признанию того факта, что отношения с Советским Союзом имеют важнейшее значение для всего дальнейшего хода войны и ее результатов. В Вашингтоне также понимали, что без участия все более набирающей силы и международный авторитет России теперь невозможно серьезно обсуждать какие-либо решения о создании прочного фундамента безопасности в послевоенное время, вопросы о будущем многих европейских стран, прежде всего, Германии.

В январе 1943 г. Рузвельт, выступая на совместном заседании членов Палаты представителей и Сената подчеркнул, что «Самые большие и самые значительные изменения во всей стратегической обстановке произошли в 1942 г. на громадном советско-германском фронте... Объединенные нации могут и должны оставаться объединенными и после войны для поддержания мира и предотвращения новых попыток со стороны Германии, Японии, Италии, либо другой какой-либо нации подвергнуть насилию десятую заповедь – «Не пожелай дома ближнего твоего».

Однако после Сталинградской победы в оценках Рузвельта будущего взаимодействия с Москвой появились элементы сомнения и тревоги. Как представляется, президент США, еще ни разу не встречавшийся с советским лидером и не имевший с ним личных доверительных контактов, стал опасаться, что поднимающаяся Россия применит в Европе политику односторонних действий. И эта политика будет идти вразрез с интересами Запада.

Но Рузвельт был убежден в первостепенной необходимости одержать победу над наибольшим злом, угрожающим всему миру и человеческой цивилизации. Коммунизм не представлялся ему столь опасным, поскольку концентрировал, как он полагал, свои усилия на пропаганде, тогда как нацизм – на принуждении и силе. Рузвельт желал скорейшего налаживания личных контактов со Сталиным, в ходе которых можно было договориться о создании постоянно действующей мировой организации. Он был полон решимости убедить советского

лидера, что такая организация будет наилучшим образом отвечать интересам СССР.

Решение многих проблем будущего устройства Европы было тесно связано с подготовкой англо-американскими силами вторжения на континент через пролив Ла-Манш. Известно, что в первой половине 1943 г. проблема второго фронта вызвала самые серьезные разногласия между союзниками по антигитлеровской коалиции. В целом, на протяжении 1941–1944 гг. она занимала первостепенное место во взаимоотношениях СССР с США и Великобританией.

В сложившейся ситуации нельзя не прийти к выводу, что обе стороны (СССР и США) подозревали друг друга в нечестной игре. Если Рузвельт прислушивался к советам Буллита, видевшим в России источник коммунистической экспансии, то Сталин имел основания задуматься о причинах постоянных отсрочек десантной операции во Франции. Устранить подозрения, добиться большего взаимопонимания, скорректировать стандарты поведения в рамках единой коалиции возможно было только в результате личной встречи лидеров союзных держав.

После Сталинградской битвы в Госдепартаменте активизировали свою работу комитеты и подкомитеты, занимавшиеся вопросами прогнозирования роли Америки и других стран в послевоенном мире. Со своей стороны, в Москве также следили за своими союзниками, их военными приготовлениями и политическими решениями. Чуть позднее, осенью 1943 года, при НКВД была образована Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, которую возглавил бывший посол в США М. Литвинов (так называемая «комиссия Литвинова»).

Весну–лето 1943 г. можно датировать как время, когда Рузвельт внутренне уже смирился с вхождением в состав Союза ССР территорий, присоединенных к нему в 1939–1940 гг., за исключением некоторых участков границы, которые он считал пока спорными. Так, во время визита А. Идена в Вашингтон в марте 1943 г. он недвусмысленно высказался за то, чтобы Бессарабия оставалась в составе СССР, а восточная граница Польши проходила по линии Керзона.

Рузвельт сказал также, что придется согласиться с воссоединением балтийских государств с Россией, но это согласие следует использовать как объект торговли, чтобы добиться от России уступок по другим вопросам.

Анализ динамики отношения Рузвельта к вопросу о восстановлении довоенных границ СССР наглядно показывает, как тесно его позиция была связана с боевыми действиями на Восточном фронте. После разгрома немецких войск на Курской дуге суждения Рузвельта о потенциале СССР стали еще более определенными. В разговоре с кардиналом Спеллманом, с которым он был в довольно доверительных отношениях, президент сказал, что после войны Россия будет «доминировать в Европе». В этих высказываниях четко просматривается тенденция обеспечить контроль над безопасностью планеты по региональному принципу. Другими словами, в расчетах Рузвельта присутствовали конкретные зоны влияния со своими четырьмя «полицейскими». Президент говорил и о «доминирующем» влиянии СССР в Европе, из чего можно заключить, что, будучи достаточно практичным политиком, он не мог не понимать, насколько сильными стали позиции СССР. Практические шаги по разрешению послевоенных вопросов между лидерами ведущих держав антигитлеровской коалиции были предприняты уже вскоре на Тегеранской конференции 1943 г., а затем в Крыму и Потсдаме в 1945 г.

С докладами на конференции также выступили заведующий кафедрой истории, философии и культурологии МГГУ им. М.А. Шолохова Ю.А. Никифоров, член-корреспондент РАЕН А.А. Падерин, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО С.М. Монин, с.н.с. Института международных исследований МГИМО Л.Ю. Гусев и другие.

Директор Института международных исследований МГИМО А.А. Орлов представил вниманию гостей книгу о Сталинградской битве, специально подготовленную к ее 70-летию издательством МГИМО-Университета.

Bolshova N.N. Geopolitical Role of Stalingrad Battle.